

На правах рукописи

Харисов Константин Нурфаязович

**Ответственность за преступное
вмешательство в деятельность лиц,
осуществляющих правосудие
и уголовное преследование:
проблемы теории и законодательства.**

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель -
доктор юридических наук
профессор Б. В. Сидоров

Казань, 2004

Работа выполнена на кафедре уголовного права государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина».

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор Сидоров Борис Васильевич

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор Кругликов Лев Леонидович

кандидат юридических наук, доцент Нафиков Марат Мансурович

Ведущая организация:

Ульяновский государственный университет.

Защита диссертации состоится «11» мая 2004 г. в «10» часов на заседании диссертационного совета Д.212.081.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, юридический факультет, ауд. 326.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «3» апреля 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

(А. Р. Каюмова)

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования. Многие негативные явления, порождающие и обуславливающие преступность, вошли в структуру нового российского общества, вызвав высокий уровень преступности в стране, качественное ухудшение ее структуры и устойчивые тенденции по негативному изменению ее количественных и качественных характеристик. Одновременно растет число нарушений прав и свобод российских граждан, число их жалоб в правоохранительные органы России и Европейский Суд.

Становление демократического правового государства в Российской Федерации потребовало создания такой системы институтов государственной власти и такой системы профилактики правонарушений, которая бы гарантировала соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина, их восстановление в случаях совершения тех или иных правонарушающих деяний, возмещение причиненного ими вреда.

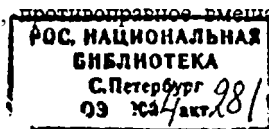
В решении этих архисложных проблем особая надежда возлагается на реформирование системы власти, создание самостоятельной и независимой судебной власти и новой системы правоохранительных органов, ядро которой составляют суды, на основе Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г.

Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов, принятые на Седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, 26 августа - 6 сентября 1985 г.), требуют, «чтобы судебные органы решали переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угрозы или вмешательства, с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам» (ст. 2).

Независимость судебных органов в соответствии со ст. 1 Основных принципов гарантируется государством и закрепляется в конституции или законах страны.

Ст. 120 Конституции РФ закрепляет независимость судебной власти и подчинение судей только Конституции РФ и федеральным законам. Этот принцип закрепляется и раскрывается в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» 1996 г., ряде других федеральных конституционных законов, Федеральном законе «О статусе судей в Российской Федерации», кодифицированном процессуальном законодательстве страны (например, в ст. 8 ГПК РФ, ст. 5 ЛПК РФ).

Независимость суда и прокуратуры, процессуальная самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, является необходимой объективной предпосылкой эффективности такой деятельности. Несмотря на закрепление этого принципа на уровне конституционного и процессуального законодательства, укрепление его социально-экономических, политических, правовых и иных гарантий, ~~противоправное вмешательство в~~

деятельность суда и органов предварительного расследования весьма распространено и носит в основном латентный характер.

Как показал опрос судей, прокуроров, следователей, судебных приставов и адвокатов¹, на вопрос: «Считаете ли Вы распространенными преступные посяательства, предусмотренные»: «а) ст.294 УК?» - утвердительно ответили 68% респондентов; «б) ст. 295 УК?» - утвердительно ответили 62% респондентов; «в) ст. 296 УК?» - утвердительно ответили 55,5% респондентов; «г) ст. 297 УК?» - утвердительно ответили 50% респондентов; «д) ст. 298 УК?» - утвердительно ответили 60% респондентов.

Нередко преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, сопровождается причинением им вреда. Это подтверждает и опрос сотрудников правоохранительных органов. Так, на вопрос: «Часто ли Вы выполняете работу или задания, которые представляют опасность для Вас лично или членов Вашей семьи?» - утвердительно ответили 98,8% респондентов².

В связи с вмешательством вышестоящих должностных лиц, должностных лиц других административных учреждений, криминальных элементов, их родственников и т. п. 95,2% опрошенных сотрудников правоохранительных органов заявили, что в результате такого вмешательства они были вынуждены принимать процессуальные решения, в той или иной мере препятствующие осуществлению правосудия или предварительного расследования.

В этих условиях особую актуальность приобретают уголовно-правовые гарантии независимости судей и лиц, осуществляющих предварительное расследование, которые содержатся в ст. ст. 294-298 УК РФ. Указанная группа уголовно-правовых норм в сегодняшнем своем виде не составляет законченную и совершенную подсистему норм, предусматривающих ответственность за посятельство на интересы правосудия (гл. 31 УК РФ), и нуждается в дальнейшем совершенствовании и оптимизации.

О необходимости совершенствования и оптимизации данных уголовно-правовых норм, а также всей системы норм об ответственности за преступления против правосудия заявили 81,6% опрошенных, из которых с этим согласились: судьи - 82,2%; прокуроры и следователи - 77,4%; судебные приставы - 94,2%; адвокаты - 66,6%.

Исследованием проблемы преступного противодействия государственной, в том числе судебной власти, занимались такие известные дореволюционные российские юристы, как Л. С. Белогриц-Котляревский, А. Ф. Бернер, Н. А. Буцковский, М. Ф. Владимировский-Буданов, В. П. Даневский, С. И. Зарудный, А. Ф. Кони, Н. А. Неклюдов, А. А. Пионтковский, С. В.

¹ Данный опроса 200 судей, прокуроров, следователей, судебных приставов и адвокатов.

² Данные опроса 508 сотрудников правоохранительных органов – судей, прокуроров, следователей и дознавателей.

Познышев, Д. А. Равинский, Д. Я. Самоквасов, Я. Г. Северский, Н. Д. Сергеевский, М. С. Строгович, Н. С. Таганцев, Г. С. Фельдштейн, И. Я. Фойницкий, А. П. Чебышев и некоторые другие.

Проблема уголовно-правовой защиты интересов правосудия и лиц, его осуществляющих и ему содействующих, привлекала внимание многих отечественных ученых в советский период и пореформенный период, особенно в связи с разработкой Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г., ее реализацией и корректировкой. В процессе исследования автор опирался на труды С. Э. Асликяна, В. В. Бабурина, Г. П. Батурина, 10. С. Безбородова, П. Н. Бирюкова, В. А. Блинникова, В. П. Божьева, Н. А. Бутуева, Н. И. Ветрова, И. С. Власова, Б. В. Волженкина, М. А. Гараниной, В. Н. Глистина, М. Н. Голоднюк, К. Ф. Гуценко, И. В. Дворянская, А. И. Друзина, С. В. Дьякова, В. Ершова, В. М. Жуковского, М. П. Журавлева, Б. В. Здравомыслова, М. А. Идрисовой, В. Д. Иванова, П. В. Иванова, Г. В. Игнатенко, В. Ф. Кириченко, Т. В. Кондрашевой, В. С. Комисарова, Г. Л. Кригер, Л. Л. Крутикова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Ю. И. Кулешова, Я. М. Кульбсрга, В. М. Лебедева, Л. В. Лобановой, М. Д. Лысова, Н. И. Ляпунова, В. П. Малкова, В. В. Мальцева, Е. Г. Мартынчик, Т. Г. Маршакковой, А. В. Наумова, А. А. Нечепуренко, И. Л. Петрухина, О. И. Рабцевич, Н. Радунной, Б. Т. Разгильдиева, Ш. С. Рашковской, В. А. Ржевской, Р. А. Сабитова, А. Б. Сахарова, Б. В. Сидорова, А. Я. Сухарева, И. М. Тяжковой, И. В. Федорова, В. С. Фельдблом, М. Х. Хабибуллина, Н. М. Чепурнова, И. М. Черных, А. И. Чучаева, С. М. Юдушкина С. А. Яковлевой, С. С. Яценко и др.

Однако комплексного исследования социально-политической и нравственно-правовой природы посягательств на независимость суда и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, в целях воспрепятствования их законной деятельности, действующего механизма их уголовно-правовой защиты на основе общепризнанных принципов и норм международного права, Конституции РФ и отечественного уголовного и иного законодательства, с учетом истории его становления и развития, с использованием соответствующих норм зарубежного уголовного законодательства, в нашей уголовно-правовой науке не проводилось.

Основной **целью** настоящего исследования является системный теоретико-прикладной анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за вмешательство в законную деятельность суда и органов предварительного расследования путем противоправного воздействия на лиц, осуществляющих правосудие или досудебное расследование, и использование результатов такого анализа для разработки научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию и дальнейшей оптимизации этих норм.

Средством достижения указанной цели служило решение следующих задач:

- рассмотрение правосудия в собственном или узком и широком смысле и предварительного расследования как самостоятельных, но тесно взаимосвязанных объектов уголовно-правовой защиты;

проведение историко-правового исследования уголовного законодательства России об ответственности за посягательства на лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование;

- исследование группы норм, предусматривающих ответственность за указанные преступления в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации;

- определение и обоснование в качестве группового и основного непосредственного объекта этих преступлений принципа независимости судей и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование;

- раскрытие социально-политической и нравственно-правовой природы исследуемых преступлений;

- общая характеристика преступлений, предусмотренных ст. ст. 294-298 УК РФ, проведение анализа отдельных составов преступлений, посягающих на независимость и авторитет суда и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование;

выработка рекомендаций по дальнейшей дифференциации уголовной ответственности и наказания за эти преступления;

- определение места и роли исследуемых уголовно-правовых норм в структуре норм, обеспечивающих уголовно-правовую защиту интересов правосудия;

- изучение норм международного и зарубежного уголовного законодательства, регулирующего вопросы ответственности за вмешательство в законную деятельность суда и органов предварительного расследования, его сравнительный анализ с соответствующим национальным законодательством России;

- изучение конституционно-правовых актов, норм административного, уголовно-процессуального, иного процессуального, судостроительного и другого законодательства России, постановлений Конституционного Суда РФ, и Пленума Верховного Суда РФ, касающихся проблемы исследования;

- анализ научной и учебной литературы по теме исследования;

- изучение практики Европейского суда по правам человека, судебной практики по делам рассматриваемой категории;

проведение опросов лиц, являющихся потенциальными потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. ст. 294-298 УК РФ, с целью получения информации, необходимой для выработки научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию и дальнейшей оптимизации исследуемого уголовного законодательства.

Основным объектом исследования явились проблемы уголовно-правового обеспечения соблюдения принципа независимости судей, процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, и защиты этих лиц от посягательств, имеющих целью воспрепятствование их законной деятельности.

Предметом исследования служили:

- законодательство Древней Руси, дореволюционное законодательство России и советское законодательство, касающиеся проблемы исследования;

- действующее уголовное законодательство Российской Федерации, предусматривающее ответственность за преступления, предусмотренные ст. ст. 294–298 УК РФ, и за другие преступления против правосудия;

- современное зарубежное уголовное законодательство об ответственности за указанные преступления;

- международно-правовые акты, устанавливающие принцип независимости судебной власти и стандартные правила осуществления правосудия международными, европейскими и национальными судами или имеющие непосредственное отношение к теме исследования;

- нормы конституционного, административного, уголовно-процессуального и иного российского законодательства, необходимые для глубокого комплексного изучения проблемы исследования;

- научные публикации и учебная литература по исследуемым вопросам;

- практика применения судами ст. ст. 294–298 УК РФ;

- результаты анкетирования судей, судебных приставов, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов по исследуемым вопросам;

- Концепция судебной защиты прав и свобод человека и гражданина и Концепция судебной реформы в Российской Федерации 1991 г.;

- Модельный уголовный кодекс СНГ.

Методологическую основу исследования составил диалектико-магериалистический метод, являющийся общенаучным методом познания.

В качестве частно-научных методов в работе использовались: формально-логический, системно-структурного анализа, историко-правовой, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, статистический и некоторые другие.

Методику разработки проблемы составляла совокупность традиционных приемов, используемых в процессе научного исследования.

Теоретической базой настоящего исследования являлись труды ранее перечисленных ученых в области международного и уголовного права, истории права, уголовно-процессуального права, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, исследования в области философии, социологии, конституционного, административного и гражданского права и др. В процессе работы над диссертацией использовалась необходимая справочная литература.

Нормативную основу исследования образуют памятники права Древней Руси, российского уголовного и уголовно-процессуального права до 1917 г., уголовное законодательство советского периода, Уголовный кодекс РФ 1996 г., нормы международного, конституционного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного права, законодательство о судебной системе и судьях РФ, направленные на защиту независимости суда и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, соответствующее уголовное законодательство зарубежных стран.

Эмпирической базой исследования являются данные о состоянии, структуре и динамике преступлений, предусмотренных ст. ст. 294–298 УК РФ, и других преступлений против правосудия за 1997– 2002 г. г., совершенных в Российской Федерации и Республике Татарстан, а также данные анонимных опросов 508 (анкета ф. №1) и 200 (анкета ф. №2) судей, прокуроров, следователей, дознавателей, судебных приставов и адвокатов. Используются также материалы архивных уголовных дел исследуемой категории. Сказанное определяет достоверность и научную обоснованность выводов и рекомендаций, сделанных по результатам исследования.

Научная новизна и положения, выносимые на защиту.

Настоящая диссертация — первое комплексное исследование принципа независимости суда и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование, его места и роли в системе общественных отношений, составляющих интересы правосудия, и самих норм об ответственности за преступное вмешательство в деятельность суда и органов уголовного преследования. В ней на основе системного подхода и анализа соответствующего уголовного, судостроительного, процессуального и административного законодательства, Конституции РФ, международно-правовых актов, зарубежного уголовного законодательства, юридической, философской и справочной литературы выдвигаются и обосновываются рекомендации, направленные на совершенствование названных уголовно-правовых норм, дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности за их совершение.

В диссертации особое внимание обращается на спорные вопросы, возникающие в юридической науке и судебной практике при решении вопросов уголовной ответственности за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование.

Из общего комплекса положений и выводов, которые обосновываются в диссертации, на защиту выносятся" следующие:

1. Дается определение правосудия, выдвигается и обосновывается тезис, согласно которому независимая судебная власть в Российской Федерации проявляет себя лишь в процессе правосудия.

2. Правосудие осуществляется всеми судами, входящими в единую систему судебных органов России, в форме конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Следовательно:

а) посягательство на лиц, непосредственно не осуществляющих судопроизводство по делам и спорам, есть посягательство на интересы правосудия, но не само правосудие. Поэтому, полагали бы правильным назвать гл. 31 УК РФ - «Преступления против интересов правосудия»;

б) потерпевшими от преступного вмешательства в деятельность лиц, осуществляющих правосудие, могут быть не только судьи федеральных судебных органов общей юрисдикции, но и члены Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов регионов России, арбитражные и мировые судьи, присяжные и арбитражные заседатели, близкие указанных лиц.

3. Независимость судей является производной от независимости судебной власти (судебных органов) и носит не личностный, а профессиональный или статусный и в этом смысле персональный характер. Ее защита занимает особое место в иерархии ценностей, составляющих объект уголовно-правовой защиты от посягательств на интересы правосудия. Исходя из этого, законодатель помещает группу норм, предусматривающих ответственность за преступное вмешательство в деятельность органов правосудия, в самом начале гл. 31 УК РФ.

4. Определяется понятие принципа независимости судей, показывается его международно-правовой, конституционный, судоустройственный и одновременно судопроизводственный характер, обосновывается то положение, что он является необходимой - объективной предпосылкой осуществления правосудия, которое становится достижимым лишь при наличии субъективной предпосылки - понимания судьями нравственного долга и следования ему, своим нравственным убеждения и совести.

5. Только прямое или косвенное воздействие на лиц, непосредственно осуществляющих правосудие, в результате такого вмешательства способно нарушить принцип независимости судей и помешать осуществлению ими правосудия. Законодатель, полагая, должен выделить из ст. ст. 294-298 УК РФ составы посягательств на лиц, лишь содействующих правосудию или исполняющих судебные решения, в отдельную группу уголовно-правовых норм, оставив в указанных статьях лишь составы вмешательства путем воздействия на судей, присяжных или арбитражных заседателей в целях воспрепятствования их законной деятельности по осуществлению правосудия или из мести за такую деятельность.

6. Предварительное расследование — составная часть уголовного преследования, осуществляемого стороной обвинения, которое

продолжается в форме поддержания **государственного обвинения**. Законность и обоснованность такого обвинения в суде обеспечивает **государственный обвинитель** - самостоятельный участник уголовного судопроизводства (п. 6 ст. 5, ч. 4 ст. 37, ст. 246 УПК РФ), которые также нуждается в особой уголовно-правовой защите.

6. Прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, их процессуальная самостоятельность и авторитет также нуждаются в особой уголовно-правовой защите **от оскорбления** в связи с их законной деятельностью по осуществлению предварительного расследования и поддержанием государственного обвинения в суде.

7. Не любое (по закону - «в какой бы то ни было форме») **вмешательство**, в том числе в форме просьб, уговоров, совета и т. п., в деятельность судей, присяжных или арбитражных заседателей (ч. 1 ст. 294 УК РФ), прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ч. 2 ст. 294 УК РФ), может рассматриваться как преступление, а лишь такое, которое осуществляется в форме **противоправного воздействия в отношении указанных лиц и их близких**.

8. Логика последовательной **дифференциации уголовной ответственности** за преступления, предусмотренные ст. ст. 294–298 УК РФ, диктует необходимость проведения ее **с учетом характера и степени опасности форм противоправного воздействия на потерпевших, степени его возможного влияния на них для достижения противоправной цели и факта наличия результатов вмешательства в их законную деятельность**, свидетельствующих о воспрепятствовании правосудию или уголовному преследованию.

9. При установлении уголовной ответственности за посягательства на лип, осуществляющих правосудие или уголовное преследование, законодателю следовало бы включить в составы этих посягательств, в том числе в ст. ст. 297 и 298 УК РФ, **и в названиях этих статей** указание о том, что они **совершаются в связи с законной деятельностью потерпевших**, и т. е. направлены на причинение вреда **независимости и авторитету суда и органов уголовного преследования**.

10. Формулируются новые редакции ст. ст. 294–298 УК РФ с названиями, по нашему мнению, оптимально отражающими содержание соответствующих статей, даются обоснования предлагаемых конструкций указанных уголовно-правовых норм.

11. В диссертации сделаны и другие предложения и выводы, приведены обстоятельные аргументы в их обоснование и в обоснование позиции автора в спорных вопросах, имеющих важное научно-прикладное значение.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно посвящено комплексному изучению проблемы уголовно-правовых гарантий независимости судебных органов и прокуратуры, процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование. Это первая диссертация, где на монографическом уровне проведено исследование актуальных вопросов, находящихся на стыке науки уголовного права и таких наук, как международное, конституционное, уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное, арбитражное процессуальное и административное право, имеющих важное методологическое значение для глубокой социальной и нравственно-правовой оценки судебно-правовой реформы в Российской Федерации, и того, как осуществляется имплементация соответствующих международно-правовых норм в национальное законодательство России, насколько оправданы и эффективны уголовно-правовые гарантии независимости органов и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование.

Материалы диссертации могут быть использованы для формулирования и обоснования ряда положений, направленных на корректировку Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. Положения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, можно также использовать для дальнейшего анализа и разработки проблем уголовно-правового обеспечения независимости судебных органов, сбалансированного учета возможностей и интересов этих органов и прокуратуры, других правоохранительных органов в процессе их правоохранительной и правозащитной деятельности, а также других смежных проблем.

Практическая значимость исследования, определяется: а) сформулированными корректными предложениями по совершенствованию законодательства; б) рекомендациями судебной практике по квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 294-298 УК РФ, уголовно-правовой оценке других посягательств в отношении лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование, и лиц, содействующих правосудию; в) возможностью использования его результатов при подготовке постановления Пленума Верховного Суда РФ по применению законодательства об ответственности за преступления против правосудия или преступления в отношении представителей государственной власти; г) использованием материалов диссертации в учебном процессе при изучении курса уголовного права и спецкурса или спецсеминара «Преступления против интересов правосудия».

Апробация результатов исследования. Основные выводы и предложения, сделанные в результате проведенного исследования прошли апробацию в процессе обсуждений на научно-методологическом семинаре и

заседаниях кафедры уголовного права и криминологии Казанского государственного университета, где была подготовлена диссертация. Основные положения диссертации нашли отражения в шести научных статьях и докладывались на региональной научно-практической конференции «Идеология и практика реформирования уголовного правосудия» (Казань, 24-25 марта 2003 г.) Материалы диссертационного исследования были также использованы при подготовке (в соавт.) монографической работы «Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование», изданной в Казани в 2004 г.

Положения и выводы диссертации были апробированы при проведении семинаров по уголовному праву, уголовному процессу и курсу «Правоохранительные органы» со студентами юридического факультета Казанского государственного университета (февраль-май 2003 г.)

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность избранной темы, показывается состояние научной разработки проблемы, определяются цели и задачи исследования, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования, показывается его научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводится ее структура.

В первой главе «Независимость суда и процессуальная самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование, в международных и национальных (российских) нормативно-правовых актах» рассматривается понятие независимости судебных органов как основополагающего принципа правосудия, анализируются международные нормативно-правовые акты, касающиеся его определения, социальных, экономических, правовых и иных гарантий, вопросы имплементации этих международно-правовых норм в соответствующие национальные (российские) законодательные акты в ходе реализации Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г., обосновывается приоритетность уголовно-правовой защиты этого принципа перед другими интересами правосудия, дается характеристика системы судебных органов, и органов, осуществляющих уголовное преследование, показывается взаимосвязь и взаимодействие всех этих органов в осуществлении правоохранительной и правозащитной деятельности в Российской Федерации.

В первом - параграфе раскрываются понятие и социально-правовая природа независимости суда и процессуальной самостоятельности лиц,

осуществляющих правосудие и уголовное преследование, как необходимой объективной предпосылки осуществления правосудия, обосновываются положением, согласно которому в системе международно-правовых и государственных (российских) гарантий прав и свобод каждого человека и гражданина центральное место занимает судебная защита, обеспечиваемая путем осуществления правосудия.

Правосудие определяется нами как **основанная на общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции РФ и федеральном законодательстве, процессуально регламентированная деятельность всех судов, представляющих судебную власть в Российской Федерации, по объективному и беспристрастному рассмотрению конституционных, гражданских, арбитражных, уголовных и административных дел, направленная на вынесение по ним законного и справедливого решения (определения, постановления, приговора и т. п.)**

Независимость судебных органов - необходимое условие (предпосылка) осуществления правосудия. Зависимость судей от внешних влияний и воздействий подрывает авторитет суда и его возможности в осуществлении правосудия.

Правосудие не может существовать без **честного и независимого** судейского корпуса.

Независимость судей состоит в том, что они рассматривают находящиеся в их производстве дела и принимают по ним правомочные решения в условиях, исключающих постороннее на них воздействие, вмешательство в их законную деятельность каких-либо других государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц или граждан. Указание в процессуальных нормативных актах на то, что судьи при осуществлении правосудия **«подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону»**, свидетельствует о том, что они действуют в правовом поле, в определенных рамках, очерченных законом.

Независимость судей относится к **межотраслевым принципам процессуального права.** Она определяет их статус, поэтому содержание этого принципа раскрывается прежде всего в Законе РФ «О статусе судей РФ». Необходимо говорить не о личной, а о **персональной или статусной независимости судей.**

У принципа независимости судебных органов - **двуединое содержание, связанное с построением и существованием самостоятельной судебной власти, обеспечением и поддержанием надлежащего кадрового состава судов, организацией подлинного правосудия — его судоустройственный аспект, и с самостоятельной их деятельностью в форме осуществления правосудия на подлинного правовой и нравственной основе - его судоустройственный аспект.**

Уголовный закон защищает независимость суда как субъекта деятельности, осуществляемой в форме правосудия, а судей - как должностных лиц, представляющих этот орган власти.

В диссертации рассматриваются гарантии независимости судей, среди которых особая роль принадлежит **процессуальным гарантиям**, создающим специальный механизм принятия решения при отправлении правосудия по своему внутреннему убеждению, в основе которого лежат **закон и совесть**.

Независимость суда (судей) дополняется **независимостью прокуратуры** (прокурора), осуществляющей(го) уголовное преследование и надзор за предварительным расследованием, которое производят **обладающие процессуальной самостоятельностью следователи и дознаватели**. Суд не должен стеснять независимость прокурора, процессуальную самостоятельность следователя и дознавателя рассмотрением в рамках досудебного производства жалоб по вопросам, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу¹.

Во втором параграфе, посвященном характеристике **независимости суда и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, как международно-правового принципа**, анализируются его нормативные источники, прежде всего Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов, 1985 г., исследуются конкретные правовые положения этого и некоторых других международно-правовых документов, имеющие характер модельных норм, обосновывается необходимость их имплементации в национальное (российское) законодательство. Членство в ООН, Совете Европы и других международных организациях, требует, чтобы национальное законодательство и практика его применения соответствовали современным международным стандартам, основополагающим принципам и нормам международного права. Это касается и тех норм, которые регламентируют принцип независимости суда (судей).

В третьем параграфе рассматриваются конституционные основания уголовно-правовой защиты независимости суда и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование. Здесь, в частности, указывается, что **независимость судебных органов (судей)** — не только **международно-правовой, но и конституционный принцип осуществления правосудия**. Исходя из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 1 Основных принципов, касающихся независимости судебных органов, указанный принцип был закреплен в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, установлены высшие правовые гарантии государства по его обеспечению. В последующем соответствующие положения международно-правовых актов и Конституции РФ вошли в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ФКЗ «О Конституционном Суде

¹ См.: П. 2 постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. №5-П // Российская газета, 2003, 2 дек.

Российской Федерации», «ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» и ряд других федеральных законодательных актов.

Согласно ч. 3 ст. 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Наряду с указанными формами осуществления судебной власти судам приходится заниматься осуществлением судебного контроля за правовым содержанием нормативно-правовых актов, являющегося специфической формой судопроизводства.

Существование в структуре власти России сильной и независимой прокуратуры, на которую наряду с другими функциями возложено уголовное преследование, необходимо и соответствует демократическим принципам власти среди сформулированных на Венской конференции Совета Европы (1993 г.) принципов назван принцип ее «независимости от полиции, судебной системы, правительства (исполнительной власти)», а также от других органов власти, общественных объединений и партий.

В диссертации анализируются широкие полномочия прокуратур ряда стран дальнего и ближнего зарубежья по надзору за законностью, контролю за деятельностью правоохранительных органов и осуществлению уголовного преследования.

Во второй главе показывается эволюция средств уголовно-правового обеспечения независимости суда и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование, в отечественном законодательстве.

В первом параграфе рассматриваются вопросы уголовной ответственности за вмешательство в законную деятельность суда и органов, осуществляющих уголовное преследование в истории Древней Руси и дореволюционной России.

Первые памятники русского права (Краткая редакция Устава князя Ярослава, Синодальная редакция Устава святого князя Владимира, Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота и др.) свидетельствуют о том, что «государевы люди», осуществлявшие правосудие или функции, обеспечивающие его осуществление, пользовались особой правовой защитой. Все они стояли на службе князя, который выполнял функцию главного судьи. Постепенно на Руси шел процесс становления «вотчинных» судов над зависимых населением», хотя при этом запрещалось мучить «огнищанина» «без княжья слова» (ст. 17 Русской Правды). Уже в эпоху Древней Руси складывались нормы, обеспечивающие безопасность и авторитет лиц, осуществляющих судопроизводство, уголовно-правовыми средствами.

К периоду действия Судебника 1497 г. относится появление «недельника» - специального должностного лица, в функции которого входило

осуществление вызова в суд, арест и пытка лиц, обвинявшихся в преступлении, который являлся в некотором смысле прообразом современных должностных лиц, занимающихся предварительным расследованием. Он подчинялся суду, решением которого предоставлялся истцу для помощи в отыскании ответчика и обеспечении его явки.

В Судебнике 1550 г. возрастает количество правовых норм, направленных на защиту жизни, здоровья, чести и достоинства лиц, занимающихся судопроизводством.

В IX-XVI в. в. наблюдается постепенное повышение значимости уголовно-правовой защиты интересов правосудия и лиц, его осуществляющих, некоторое расширение уголовно-правовых гарантий их деятельности при отправлении судебных функций, движение к формированию судебной деятельности как специфической государственной службы, становление устойчивой структуры субъектов судопроизводства.

Соборное Уложение 1649 г. увеличило количество норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на лиц, вовлеченных в процессуальные отношения, на их жизнь, здоровье, честь и достоинство. Прослеживается тенденция к объединению в одной главе (глава 10 «О Суде») норм, предусматривающих такую ответственность за преступления против правосудия. В ст. ст. 105-107 Соборного Уложения предусматривались самостоятельные составы убийства судьи, причинение ему телесных повреждений, оскорбления суда и судьи. За субъектами судопроизводства признавалось право на самозащиту (ст. 105). Посягательство на судью каралось особенно строго, поскольку он признавался символом правосудия (ст. 106).

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. законодатель отказался от специальных уголовно-правовых норм, обеспечивающих гарантии независимости и безопасности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование. Интересы этих лиц обеспечивались в рамках норм, предусматривающих уголовную ответственность за сопротивление и неповиновение власти (Раздел IV. «О преступлениях и проступках против порядка управления»), а также за конкретные виды преступлений против власти и ее представителей (ст. ст. 291-293, 301-308 главы 2 раздела I). Уложение 1845 г. предусматривало уголовно-правовую защиту не только должностных лиц, осуществляющих правосудие, но и других участников судебного разбирательства (потерпевших, свидетелей и др.)

До судебной реформы 60-х годов XIX века расследованием занимался следователь - должностное лицо полиции, занимающееся собиранием доказательств совершенного преступления.

В результате судебной реформы 1860-1864 годов обвинительная власть была отделена от судебной и предварительное следствие стало носить судебный характер. Впервые суд стал рассматриваться как особый орган, не

связанный при осуществлении правосудия с остальным государственным аппаратом. Учреждались единые суды - общие и местные по уголовным и гражданским делам. Следователи состояли при судах («судебные следователи»). Расследование находилось под надзором прокуратуры.

Исторически сохраняющаяся тенденция к увеличению и систематизации уголовно-правовых норм, охранявших деятельность судебных органов, привела к созданию в Уголовном Уложении 1903 г. специальной главы о преступлениях против правосудия (Глава 7. «О противодействии правосудию».) Однако многие нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на личность в сфере судопроизводства, по-прежнему содержались в главах о преступлениях против личности, должностных и некоторых других преступлениях.

Российская прокуратура, учрежденная Петром I с целью обеспечения законности в деятельности центральных и местных органов государственной власти (Указ от 27 апреля 1722 г.), также претерпела серьезные трансформации. В петровские времена она вела постоянный надзор за соответствием законам и указам императора деятельности и решений поднадзорный ей органов и учреждений, предлагала устранять нарушения законов и указов, опротестовывала некоторые решения, осуществляла надзор за интересами казны и по арестантских делам.

После Петра I прокуратура дважды фактически ликвидировалась, была восстановлена Елизаветой Петровной и сформировалась как государственное учреждение надзорного типа при Екатерине II. При ней завершилось формирование вертикальной иерархии системы органов прокуратуры от центра до уездов. Прокуроры различных уровней должны были наряду с решением других важных государственных задач «смотреть и бдение иметь о сохранности всякого порядка законами определенного», в том числе в деятельности судов, проверять соответствие законам принимаемых ими решений.

В соответствии с Судебными уставами 1864 г. российская прокуратура из учреждения надзорного была превращена в основном в орган уголовного преследования. Прокуроры состояли «при судах», хотя и не были им подконтрольны. Наоборот, прокурор наблюдал за соблюдением судами правил их устройства и делопроизводства, участвовал в рассмотрении дисциплинарных дел судебных работников и опротестовывал решения по ним, направлял свои характеристики на судей министру юстиции, исполнявшему функции генерал-прокурора. Ему было подчинено полицейское дознание, на него возлагалось наблюдение за производством предварительного следствия. Он мог приносить кассационные и апелляционные протесты на приговоры судов, надзирал за исполнением приговоров, выполнял законно-охранную функцию при рассмотрении гражданских дел и др.

Судебная реформа 1860-1864 годов привела к ослаблению правовой дисциплины, усилению местничества, бюрократизма и коррупции. На судьбе

же прокуратуры тяжело отразились попытки механического заимствования зарубежного опыта.

Второй параграф посвящен анализу советского законодательства об ответственности за вмешательство в законную деятельность суда и органов, осуществляющих уголовное преследование, нормативных документов, регламентирующих устройство, полномочия, роль и место органов правосудия, прокуратуры и органов предварительного расследования в системе правоохранительных органов и в общей системе государственной власти.

В результате Февральской революции 1917 г. наметился пересмотр основ судопроизводства, была провозглашена идея реформирования судебных учреждений, существовавших в царской России, при Министерстве юстиции была образована «Комиссия для восстановления основных начал судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве...», начала работать «Комиссия по пересмотру и введению в действие Уголовного Уложения 1903 г., стали образовываться временные суды, имеющие целью «быстро устранить начальные недоразумения, возникающие между солдатами, населением и рабочими», и др.

В результате Октябрьской социалистической революции 1917 г., судебная система царской России была разрушена, временные суды Временного правительства были упразднены, судебные учреждения заменялись выборными или назначенными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов судебными органами, предварительное расследование возлагалось на новых судей на местах.

Одними из первых нормативных актов советской власти были декреты о суде (№№ 1, 2 и 3), постановление о революционных трибуналах, инструкции о производстве следственных действий, содержании заключенных и др.

По мере перехода территории страны под контроль Красной Армии происходил процесс становления или восстановления советской судебной системы. Нередко в этот исторический период судебные функции возлагались на специально создаваемые карательные органы (например, Комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем - ВЧК). Декрет о суде №1 предусматривал создание военных судов.

На первых этапах советской правосудие еще не признавалось самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты.

В уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. отсутствовали нормы, непосредственно направленные на защиту интересов правосудия.

Принцип независимости судей только декларировался, а фактически не действовал, так как судебная власть была инструментом политического руководства страны, а судебная политика была составной частью общегосударственной политики, проводимой под руководством ВКПб (КПСС).

С середины 50-х годов XX века начался процесс реформирования правовой базы судопроизводства, создания норм и институтов, образующих

фундамент правовой охраны личности, включая тех лиц, которые осуществляли правосудие или были вовлечены в судопроизводство; наметилась тенденция широкого понимания системы правосудия; сформировалась необходимость уголовно-правового обеспечения судопроизводства в целом. В 1960 г. принимаются новые УК РСФСР и УПК РСФСР, а в 1964 г. - ГПК РСФСР.

В УК РСФСР 1960 г. впервые за годы советской власти была определена специальная глава (гл. 8) о преступлениях против правосудия, где предусматривалась комплексная защита основ судопроизводства, включающего наряду с уголовным и гражданскими судопроизводствами предварительное расследование и исполнение судебных актов. В нем не предусматривались специальные нормы, обеспечивающие повышенную уголовно-правовую защиту судей, прокуроров, следователей и лиц, производящих дознание, от противоправного вмешательства в их законную деятельность, от посягательств на их жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, честь и достоинство.

Изменения и дополнения, внесенные в УК РСФСР 11 декабря 1989 г., запретили: вмешательство в разрешение судебных дел (ст. 176-1 УК); угрозу убийством, насилием, уничтожением и повреждением имущества по отношению к судье, народному заседателю, прокурору, следователю, судебному исполнителю, лицу, производящему дознание, должностному лицу правоохранительного или контролирующего органа, сотруднику федерального органа государственной охраны, а равно к их близким родственникам (ст. 176-2 УК); оскорбление судьи, народного заседателя (ст. 176-3 УК).

В 60-90 годах XX века были регламентированы процессуальные отношения, позволившие уточнить границы правомерного поведения, процессуальных правонарушений и преступлений против правосудия. Сформировалась необходимость создания независимой судебной власти, состоящей из новой системы органов правосудия.

В советский период существенные изменения претерпела и прокуратура как орган, занимающийся уголовным преследованием и осуществляющий функцию надзора за исполнением законов, и подконтрольные (поднадзорные) ей органы предварительного расследования.

В третьем параграфе рассматриваются современное состояние и перспективы развития отечественного законодательства, обеспечивающего независимость суда и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование. Указывается, что развитие этого законодательства во многом определялось теми формами, которые приняты в международной уголовной юстиции (например, в соответствии с Римским Статутом, определившим статус Международного уголовного суда, новациями Международных трибуналов ad hoc), Европейском суде (например, в соответствии с реформой Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. на основе Протокола №11 Конвенции, дополнительного протокола к Конвенции, разрабатываемого рабочей группой, созданной Руководящим Комитетом Совета Европы,

Резолюцией о защите прав человека в Европе Комитета Министров Совета Европы 2001 г. и др.), судебной системой Российской Федерации, формируемой в соответствии с Концепцией судебной реформы в Российской Федерации 1991г.

В современной системе правоохранительных органов центральное место стал занимать суд, осуществляющий контроль также за досудебным судопроизводством.

Проводимая в стране судебная реформа имеет целью создание и совершенствование системы гарантий независимости судей, закрепление принципов их несменяемости и неприкосновенности, обеспечивающих судейскую независимость, гарантирование процессуальной независимости лиц, осуществляющих правосудие, и их достойного материально-бытового и социального обеспечения.

Закрепление в Конституции РФ (ст. ст. 121, 122, 124) и детальная регламентация в федеральном судеустройственном и процессуальном кодифицированном законодательстве России гарантий независимости судей является важнейшим завоеванием в сфере правосудия.

Продолжается создание полноценной законодательной базы, касающейся деятельности судов и статуса судей, включая дополнения и изменения вносимые в действующие законодательные акты.

В диссертации обосновывается возросшая необходимость в совершенствовании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательство на независимость, процессуальную самостоятельность и авторитет указанных в ст. ст. 294-298 УК РФ 1996 г., показывается несовершенство всей системы норм об ответственности за преступления против правосудия, делаются аргументированные предложения по их совершенствованию и оптимизации.

Исследуя **видовой объект преступлений**, предусмотренных гл. 31 УК РФ, автор дает **понятие правосудия в его узком и широком смыслах**, делает предложение исследовать эту главу «Преступления против **интересов правосудия**».

Исходя из основного непосредственного объекта и особенностей субъектов деятельности, являющейся видовым объектом этих преступлений, система посягательств на интересы правосудия подразделяются в работе на девять групп (видов), среди которых первое место занимают преступления, посягающие на независимость судебных органов и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование. Далее дается уголовно-правовая характеристика общих для данной группы преступлений признаков составов преступлений (непосредственного объекта, потерпевших, вмешательства как основного деяния и форм его осуществления, воспрепятствования как основной цели противоправного вмешательства и др.), выдвигается предложение о целесообразности **выделения в отдельную группу (подсистему)**

преступлении против правосудия посягательства на лиц, лишь содействующих правосудию в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства и исполняющих судебные акты (защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава и судебного исполнителя и др.), даются рекомендации по совершенствованию рассматриваемой группы норм путем указания ст. 294-298 УК РФ на государственного обвинителя, (наряду с предварительным расследованием его деятельность является составной частью уголовного преследования), и на судей или членов «любого» суда входящего в судебную систему Российской Федерации, присяжных и арбитражных заседателей об установлении более строгой ответственности за противоправное вмешательство в деятельность Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ и др.

Третья глава посвящена уголовно-правовой характеристике отдельных составов противоправного вмешательства суда и органов, осуществляющих уголовное преследование.

В первом параграфе главы дается юридический анализ состава воспрепятствования осуществлению правосудия и предварительного расследования, выражается и обосновывается мнение, что в ч. ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ содержатся нормы, предусматривающие **основной состав (общая норма)** противоправного вмешательства в деятельность суда и лиц, осуществляющих предварительное расследование, а в ч. 3 ст. 294, ст. ст. 295-298 УК РФ - нормы, предусматривающие **квалифицированные** составы (специальные нормы) такого вмешательства.

В качестве **потерпевших** от преступлений, предусмотренных ст. 294 УК РФ, наряду с указанными лицами могут стать, как мы полагаем, и **близкие им** лица, поскольку указание законодателя на возможность «вмешательства в какой бы то ни было форме» предполагает и вмешательство путем воздействия на лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, связанное с причинением вреда их близким.

Из содержания диспозиций ч. ч. 1 2 ст. 294 УК РФ вытекает, что в данной статье основным деянием является «**вмешательство**», направленное на изменение законной деятельности указанных лиц («в целях воспрепятствования»), а не «**воспрепятствование**» как процесс или результат такого вмешательства. Полагаем, вмешательство в законную деятельность указанных лиц, совершаемое **в форме просьб, уговоров, совета** и т. п., как правило, не следует рассматривать как уголовно-наказуемое деяние. В УК большинства зарубежных стран уголовная ответственность за вмешательство в деятельность органов правосудия связывается с наличием **противоправных способов (форм) воздействия** на лиц, занимающихся такой деятельностью («любая угроза или любой другой акт устрашения» - ст. 434-8 Франции; «насилие или противозаконная угроза» - ст. 232 УК Польши; «насилие или запугивания» - ст. 454 УК Испании и др.)

В рамках ст. 294 УК РФ предлагается дифференцировать ответственность за вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, в зависимости от **характера и степени опасности, степени возможного влияния различных форм противоправного воздействия на них, факта наличия или отсутствия результатов** такого воздействия. В УК некоторых зарубежных государств аналогичные составы преступлений конструируются как **материальные**, включающие в объективную сторону **негативные для интересов правосудия результаты** противоправного вмешательства (например, ч. 1 §258 УК ФРГ, ч.1 ст. 464 УК Испании и др.)

С учетом замечаний и рекомендаций, сделанных в диссертации, конструируется новая редакция **ст. 294 УК РФ («Вмешательство в деятельность суда и органов, осуществляющих уголовное преследование, в целях воспрепятствования их законной деятельности»)**, состоящая из 4-х частей

Во втором параграфе «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование» исследуются признаки состава преступлений, предусмотренного ст. 295 УК РФ, и на основе этого исследования, сопоставления рассматриваемого состава со смежными со смежными составами преступлений (ст. ст. 105 ч. 2 п. «б», 277 и 317 УК РФ), толкование понятия «посягательство на жизнь» и сопоставления его с близким ему по смыслу понятиями «убийство», «причинение опасной для жизни вреда», «насилие, опасное для жизни, также используемыми в УК, обосновывается необходимость изменения редакции исследуемой нормы.

«Посягательство на жизнь» означает действие (поступок), совершаемое(ый) с целью лишения жизни другого человека без полной уверенности в успехе, т. е. **покушение на убийство**. Состав рассматриваемого преступления сформулирован как **усеченный**, поэтому умышленное лишение потерпевшего жизни в случаях, предусмотренных ст. 295 УК РФ (как и ст. ст. 277 и 317 УК), не требует дополнительной квалификации по п. «б» ч 2 ст. 105 УК РФ. Установление повышенной уголовной ответственности за посягательство на жизнь в ст. 105 УК РФ законодатель вправе прежде всего с утратой этого особо ценного блага человека. Учитывая это соображение, предлагаем сформулировать в ч. 2 ст. 295 УК РФ **квалифицированный состав** преступления в зависимости от **последствия** умышленного посягательства на жизнь судьи, прокурора и т. д. **в виде смерти потерпевшего** (убийства указанных лиц)

Цель воспрепятствования - это **перспективная, конечная цель действий виновного**, стремящегося предотвратить вынесение правосудного решения или совершение законного процессуального действия со стороны потерпевших путем лишения их жизни, запугать других представителей правосудия и т. п. Вот и почему законодатель прав, поместив данный состав преступления в гл. 31 УК РФ.

Учитывая несовершенство исследуемой уголовно-правовой нормы, ст. 295 УК РФ предлагается дать в следующей редакции:

«Статья 295. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или уголовное преследование, в связи с его законной деятельностью.

1. Посягательство (покушение) на жизнь судьи, присяжного или арбитражного заседателя, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, расследованием дела или поддержанием обвинения по делу в суде в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, -

наказывается...

2. То же деяние, закончившееся смертью (убийством) (вариант «приведшее к смерти») потерпевшего, -

наказывается...»

В третьем параграфе анализируется состав **угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования.**

Рассматриваются формы вмешательства в законную деятельность суда или органов предварительного расследования, автор указывает на неудачность формулировок ч. ч. 3 и 4 ст. 296 УК («деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия...»), толкование которых позволяет некоторым авторам рассматривать указанные в них деяния как квалифицированный (ч. 3) и особо квалифицированный (ч. 4) виды преступления, предусмотренных в ч. ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, а также признавать, что насилие, которому не сопутствовала угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, прокурора и т. д., не охватывается ст. 296 УК РФ. Автор считает, что законодатель имеет в виду в ч. ч. 1 и 2 ст. 296 УК прежде всего **не** угрозу в отношении указанных лиц, а **вмешательство** в их законную деятельность, совершаемое **в форме** соответствующей **угрозы**, и в ч. ч. 3 и 4 ст. 296 УК - в форме насильственных действий в отношении их. Судя по названию ст. 296 УК, также не совсем удачному, данная уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за угрозу в связи с осуществлением правосудия или предварительного расследования - об этом говорится в ч. ч. 1 и 2 настоящей статьи, и насильственные действия в связи с такой деятельностью - «насилие, не опасное для жизни или здоровья» (ч. 3), и «насилие, опасное для жизни или здоровья» (ч. 4).

Автор предлагает рассматривать определенные виды угроз, способные причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевших, как формы противоправного вмешательства, предусмотренного ч. ч. 1 и 2 ст. 294 Ук РФ, а в ст. 296 УК РФ установить уголовную ответственность лишь за насилие в отношении указанных лиц в связи с осуществлением ими правосудия

или уголовного преследования. Предлагается также **дифференцировать ответственность за насильственное вмешательство** в деятельность потерпевших в рамках различных частей ст. 296 УК РФ, установив повышенную уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ч. ч. 1 и 2, причинившее потерпевшему: в ч. 3 — вред здоровью средней тяжести; в ч. 4 - тяжелый вред здоровью; в ч. 5 - умышленный тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего.

При конструировании новой редакции ст. 296 УК РФ автор считает целесообразным предусмотреть, как и в новых редакциях ст. ст. 294-295, ответственность за противоправное воздействие в отношении государственного обвинителя **в связи с осуществлением** им уголовного преследования на стадии досудебного производства. В данной уголовно-правовой норме должна быть установлена ответственность лишь за **насилие** в отношении судьи, присяжного или арбитражного заседателя (ч. 1) и в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, или государственного обвинителя (ч. 2), поэтому ст. 296 УК РФ должна называться «Насильственные действия в отношении лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование, в целях воспрепятствования их законной деятельности» и состоять из 5-ти (вариант: 4-х) частей. В содержании работы приводится текст статьи в ее новой редакции.

Четвертый параграф посвящен уголовно-правовой характеристике преступного **неуважения к суду**.

Анализируя состав данного преступления, автор делает вывод, что основным непосредственным объектом посягательства в ст. 297 УК РФ является **авторитет** суда, а в конечном итоге и **независимость** представителей правосудия, поскольку неуважение к суду есть завуалированная форма вмешательства в его деятельность по осуществлению правосудия. В качестве потерпевших законодатель называет «участников судебного разбирательства» (ч. 1) и «лиц, участвующих в отправлении правосудия» (ч. 2), хотя более правильным было бы установить ответственность лишь за оскорбление тех лиц, которые **представляют судебную власть и осуществляют правосудие** («судья, присяжный или арбитражный заседатель») и лишь за те случаи, когда оно **связано с их деятельностью по осуществлению правосудия**. Оскорбление обвиняемого (подсудимого), его защитника, эксперта, специалиста и других подобных «участников судебного разбирательства» лишь с большой натяжкой можно рассматривать как неуважение к суду. Законодатель также должен защищать от оскорбления лиц, осуществляющих уголовное преследование на обеих стадиях уголовного судопроизводства, имея в виду особую роль этих лиц как участников отправления правосудия.

По нашему мнению, неуважение к суду не исключается и в тех случаях, когда унижительная оценка квалификации, других профессиональных и нравственных качеств судьи, присяжного или арбитражного заседателя, государственного обвинителя выражена во вполне приличных словах и

действия виновного. Думается, следует учесть данное положение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против правосудия.

Предлагая новую редакцию ст. 297 УК РФ, состоящую из 3-частей, автор считает целесообразным учесть в ней положительный опыт некоторых уголовных кодексов зарубежных государств, предусматривающих ответственность за посягательство на уважение, которое подлежит оказывать правосудию, связывая оскорбление судьи или иного лица, осуществляющего правосудие, с **исполнением потерпевшим своих обязанностей** (например, ст. 434-24 УК Франции) и повышенную ответственность за оскорбление указанных лиц, когда оно совершено **в заседании суда** (например, ч. 2 ст. 434-24 УК Франции).

Пятый параграф «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя» посвящен анализу состава преступления, предусмотренного ст. 298 УК РФ. В процессе этого анализа автор приходит к выводу, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления является **авторитет** суда, органов уголовного преследования или орган, исполняющий судебный акт. Клевета в отношении указанных в ст. 298 УК РФ лиц не только дискредитирует их, но и затрудняет выполнение ими служебных обязанностей, может вынудить их стать «уступчивыми» домогательствам клеветника или привести к их отводу от участия в процессе, т. е. в конечном итоге посягает на **независимость** суда и **процессуальную самостоятельность** лиц, осуществляющих правосудие, уголовное преследование или исполняющих судебный акт. Например, в ст. 434-25 УК Франции прямо указывается на то, что деяние, подрывающее доверие к действиям или решениям судебных органов, «способно причинить вред авторитету судебной власти или ее независимости...»

Клеветник совершает деяние в отношении судьи, прокурора, судебного исполнителя и т. д. с целью показать публично их неспособность по своим профессиональным знаниям и деловым качествам или непригодности по своим моральным качествам осуществлять свои функции либо ослабить доверие или лишить доверия те их процессуальные действия и решения, которые связаны с их участием **в отправлении правосудия, производстве предварительного расследования или исполнением судебного решения**. Это завуалированное вмешательство в законную деятельность указанных лиц.

Клевета в ст. 298 УК РФ связывается с реализацией соответствующими должностными лицами своих полномочий в сфере судопроизводства и исполнения судебных решений. Если такой связи не просматривается, содеянное при наличии к тому оснований подлежит квалификации по ст. 298 УК РФ.

Рассматривая состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 298 УК РФ, автор делает вывод о необходимости учета при конструировании ее новой

редакции таких отягчающих обстоятельств, как распространение клеветнических измышлений путем использования публичного выступления, печатного издания, средств массовой информации или иным способом, делающим их доступными широкому кругу лиц (ч. 3), а также случаи клеветы, соединенной с обвинением потерпевшего в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо имеющий цель устранение его от участия в судопроизводстве или лишение профессионального статуса и увольнение от должности (ч. 4).

С учетом замечаний и выводов, сделанных в диссертации формулируется новая редакция ст. 298 УК РФ под названием «Клевета в отношении лиц, осуществляющих правосудие или уголовное преследование, в связи с их законной деятельностью».

В заключении диссертации формулируются выводы и предложения, сделанные автором в результате проведенного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1) Харисов К. Н. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, судебного исполнителя / К. Н. Харисов // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КГУ. - 2001. - Выпуск 3. - С. 305-307.

2) Харисов К. Н. Исторические корни ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство судей, работников правоохранительных и контролирующих органов / К. Н. Харисов // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КГУ. - 2002. - С. 76-80.

3) Харисов К. Н. Укрепление уголовно-правовых гарантий законной деятельности органов предварительного расследования - веление времени // Республиканская научно-практическая конференция «Идеология и практика реформирования уголовного правосудия», Казань, 24-25 марта 2003 г.: Тезисы докладов. - Казань, 2003 - С. 26-31.

4) Харисов К. Н. Уголовное законодательство об ответственности за вмешательство в деятельность суда и органов предварительного расследования и защите лиц, ее осуществляющих, должно быть оптимальным / Б. В. Сидоров, К. Н. Харисов // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 144. - Казань, 2003. - С. 204-223.

5) Харисов К. Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества. / К. Ф. Амиров, Б. В. Сидоров, К. Н. Харисов - Казань, 2004. - 301 с.

Центр инновационных технологий
Россия, РТ. г. Казань, ул. К. Фукса, д 11/6
Изд. лиц. № 0285 от 17.11.99.

Подписано в печать **07.04.04** Формат 75х90 1/16
Гарнитура Times New Roman, 9. Усл. Печ. л. **1,6**
Тираж 100 экз.

Отпечатано в центре инновационных технологий
Россия, РТ, г. Казань, ул. К. Фукса, д.11/6
Лиц. ПЛ № 0173 от 26.10. 99.

NR - 7023